

способность активно управлять событиями, пока идеалистическая мотивировка в рассказе о восстании смердов не исказит всю историческую картину для оправдания феодальной эксплуатации. Летописцы XII в. уже настолько прониклись христианским мировоззрением, что разница между их повествованием и народным эпосом становится вполне очевидной.

Однако не следует преувеличивать цельности идеалистического мировоззрения летописца. Реальный ход событий, сама историческая действительность вынуждает иногда повествователя отходить от религиозной историософии, и тогда он снова становится ближе к „неписаной истории“.

До XIII в. включительно летописцы не могли оторваться и от той веры в колдовство, которой была пронизана дохристианская религия восточных славян. Как ни часто напоминала летопись читателям, что „беси“ и их представители на земле — кудесники, волхвы — все это наследники того ангела, который был свержен с неба „за величание“, что настоящий „бог“ — „есть на небеси, седяй на престоле“, — однако „бесовское наущение“ для книжника реально существует. Оттого-то, наряду с героическим устным эпосом, отразившим борьбу народа за единство русской земли, оценку народом участников этой борьбы, — летопись сохранила и следы фольклора, выросшего на почве религиозных суеверий, фольклора, проникнутого сознанием беспомощности человека перед силами природы. И „боги“ волхвов и „бог“ летописца одинаково распоряжаются судьбой человека; и то обстоятельство, что летописец называет „бесами“ богов „поганой“, т. е. дохристианской Руси, а истинным „богом“ только христианское божество, — не создает еще принципиальной разницы между его мировоззрением и убеждениями волхвов, которые он оспаривает. И сказка о сотворении человека (1071), и рассказ о „навьих“ — свидетели существования фольклора, разоружавшего человека и внушавшего ему покорность судьбе и необходимость прибегать к помощи волхвов-кудесников, знающих волю „богов“ и владеющих умением умилять их.

Идеалистические основы дохристианской мифологии не противоречили христианской историософии летописцев: то и другое уводило человека от реальной оценки действительности. Наличие этой разновидности фольклора в повествовании летописцев не делало их рассказ „народным“ в настоящем смысле этого слова.

Однако, по представлениям средневековья, подобные фантастические эпизоды не противоречили задаче правдивого изображения действительности. Метод писателя оставался одинаковым — рассказывал ли он о появлении „навьих“, или „небесных воинов“ и прочего среди правдиво нарисованных людей.

Характерно, что ни в одном из народных эпических преданий о событиях IX—XII вв. нет никаких следов этой веры в „богов“ или „бога“, направляющего ход истории. Любовь к родине и воинская